

Вадим ЩЕРБАКОВ

СРЕДНИЙ СПЕКТАКЛЬ

Более или менее молодой режиссер поставил с заслуженными и народными артистами академического театра классическую пьесу. Венедикт Ерофеев называл подобный коктейль «Инецца Арманд или Поцелуй, данный без любви». И зачем писать про рядовое представление ничем особенно не выдающегося спектакля?

Может быть затем, что его средние достижения и очевидные просчеты являют собой типичные беды московского театра?

На сцене театра им. Вл. Маяковского давали тургеневский «Месяц в деревне». Режиссер Александр Огарев постарался прочесть пьесу «современным глазом» и приблизить ее коллизии к нынешней публике. Предлагаемые автором текста обстоятельства – лето, деревня, месяц – ум сегодняшнего горожанина расшифровал как отпуск. Курортный роман вместо праздного строя ненаполненной чувством жизни – мелковато, на мой взгляд, для Тургенева. Но допустим.

Раз речь идет об отпуске, то на сцене царит огромный чемодан. И лишь потом обнаруживаются глянцевая природа на заднике, оклеенном огромными красными цветами, да условно обозначенный белыми эластичными бинтами водоем в центре оркестровой ямы. Г-жа Виданова, художник спектакля, по поводу образности решения сильно, кажется голову не ломала, без особого вкуса лишь проиллюстрировав задания режиссера.

Поначалу смотреть занятно. Театральные знаки расставлены отчетливо, актеры с явным азартом исполняют режиссерские задания. Ракин и Наталья Петровна парят в вышине на заднем плане; он с увлечением читает вслух по-французски «Графа Монте-Кристо», она увлеченно внимает. Материальным выражением подъема чувств служит стальной трос, вздымающий персонажа над площадкой. Оно может и несколько прямолинейно, однако понятно, да и актеры испытывают радостное волнение, вполне передающееся в зал. На авансцене обретается какой-то странно одетый мужик – он в цилиндре, парадном

жилете на голое тело и экзотических, чуть не самурайских штанах. Впоследствии выяснится, что это слуга Матвей, слегка испорченный цивилизацией господ, но не утративший до конца связь с почвой. С любовной тоской смотрит он на рубенсовскую наяду, которая плещется в колдовском пруду. Сия ундина, ярко исполненная г-жой Ергиной, персонаж для режиссера крайне важный. По тургеневской номенклатуре она – служанка Катя, однако в партитуре г-на Огарева ей отведена задача представлять от лица Природы, выражать ее ширь и плодородность. Как и Матвей, она, конечно, втиснута хозяевами в противоестественные формы, но сохраняет радостную витальность простых законов Натуры.

Энергичный пролог, впрочем, быстро сменяется тоскливой экспозицией. В раскрытом чемодане обнаруживаются народная артистка Евгения Симонова и заслуженный артист Евгений Парамонов. Он нудно бубнит французскую книгу, она скучает и раздражается.

Вот тут-то и начинается рутинный театр, с которым не справился г-н Огарев. Тут и возникает чувство, почти всегда порождаемое сегодняшними средними спектаклями – тихий ужас по поводу состояния отечественного актерского ремесла!

Признаюсь, я не люблю писать об актерах, если нет основания ими восхищаться. Они люди уязвимые, да и далеко не все от них зависит в современном театре. Однако впечатления от «Месяца в деревне» претендуют на типичность.

Хотя в пьесе и сделаны купюры, оставшегося текста слишком много, чтобы можно было играть его на одной-двух красках. И это – тургеневский текст, который в позапрошлом столетии считался малосценичным из-за свойственной ему тонкости письма. Ощущение переизбытка слов становится логическим следствием слишком прямолинейной игры. В этой пьесе невозможно играть Шпигельского только пошляком, Большинцова только недотепой, помещика Ислаева только пожилым подростком, а

Сцена из спектакля
«Месяц в деревне».
Театр им. Вл. Маяковского.
Фото М. Гутермана

Ракитина исключительно благородным рохлей. Очень быстро становится скучно.

Вполне возможно, что режиссер или сами актеры имели в виду необходимость перехода в иные состояния, смены красок, переключения. Но главный тон в этих ролях полностью доминирует, не оставляя места ни для

каких дополнений. А то, что не изменяется, перестает удерживать внимание.

Верочка и студент Беляев выглядят в этом смысле живее. И дело тут не только в усилиях г-жи Лазаревой и г-на Фатеева. В их роли драматург вставил по три очевидных изменения характера, не отреагировать на которые могут только актеры совсем бесчувственные. Но и они играют без полутонов, красят каждое состояние сплошным цветом.

Впрочем, сказанное еще полбеды – настоящая беда носит здесь имя Наталья Петровна.

Е. Симонова – Наталья Петровна
Фото М. Гутермана

Мне показалось, что режиссер постарался разметить всю ее роль достаточно тщательно. Видно, где и какие поставлены задачи. Однако г-же Симоновой просто фатально не удастся их выполнить! Когда ее героиня должна быть искусственной подобно эзотическому цветку, она недостаточно искусна, когда надо сыграть искренность – совсем неубедительна. Все движения чувств у нее густо замазаны каким-то капризным тоном. Получается – барыня в раздражении. И хотя роль свою г-жа Симонова рапортует бодро, энергично и с немалой тратой сил, выходит все равно тягомотина.

Мне редко нравятся те трюки, которыми новое поколение режиссеров обильно оснащает свои постановки. Чаще, чем хотелось бы, эти аттракционы не имеют никакого отношения к смыслам пьесы, рождаются не из ее слов и действия, а из желания чем-то развлечь и удивить публику. Ну и себя показать, конечно. Разумеете, мол, народы, какая у меня фантазия – никто раньше такого с Шекспиром или Чеховым не делал, а я горазд!

Тем удивительнее было для меня, что в спектакле г-на Огарева я радовался почти каждому придуманному им трюку. Некоторые, конечно, оказывались грубоваты – тот например, когда Ислаев, вернувшись с плотины, разувается и опускает босые ступни в яму «пруда», а оттуда вздымается белый пар. Некоторые были поверхностны, но заняты. И все-таки – в моменты реализации этих аттракционов со сцены веяло живой и неподдельной жизнью! Кажется, ими были увлечены сами актеры; они исполняли их с азартом, будто только в этих эпизодах понимая, что, собственно, они делают на подмостках.

Как прекрасна была г-жа Симонова, когда самозабвенно крутила педали белого велосипеда, а над ней в канифольной дымке парил огромный змей! Как увлеченно исполняли Верочка и наядка-Катя номер синхронного плавания в «пруду»! Сколь весело плясал – лежа на спине, головой к залу – Беляев! Да и во всех его трюках в первом акте было столько радостной энергии выбежавшего на лужайку щенка!

А в перерывах между этими моментами жизни актеры говорили текст. Его, ни во что не претворенного, не ставшего театром, было много. Слишком много, чтобы не заскучать.

Так и катился этот «Месяц в деревне» два долгих акта, то вспыхивая живым действием, то проваливаясь в слова о чувствах. Два реальных «приобретателя» (Шпигельский и Ислаев) превращают колдовское озеро в яму для страданий. Разъезжаются Ракитин и Беляев; вмиг повзрослевшая Верочка готова бежать хоть к Большинцову; Наталья Петровна остается одна – коротать такой шумный и такой бесплодный отпуск...

И тут г-н Огарев закольцовывает свой режиссерский сюжет, заодно предлагая зрителю альтернативную возможность любви. Спектакль начинался с чтения французского романа о справедливом возмездии, а заканчивается словами Андерсена. На краю «пруда» расположились Матвей и Катя. Она держит в руках потрепанную книжку и читает кусочек из «Русалочки», речь в котором идет о любви жертвенной, способной снести жестокую боль, ради того, чтобы быть рядом с любимым.

То есть – спектакль получился вовсе не бессмысленным, в нем внятно выявлены почти все режиссерские задания, понятно, как г-н Огарев прочел классическую пьесу, зачем он нам, сегодняшним зрителям, ее показывает. Однако столь же очевидно и то, что постановщик сделал половину положенной работы. Он не смог (или не пожелал) вдохнуть жизнь в существование на площадке актеров.

Возможно со временем артисты сумеют обжить свой пунктирный рисунок, если, конечно, будут дорожить этим спектаклем и не пойдут за любящей повеселиться московской публикой. Зрители рядового спектакля сегодня странно воздействуют на обитателей сцены. С одной стороны, устав от бесконечных экранов перед глазами, они так хотят увидеть народных и заслуженных кумиров живьем, что легко прощают им мертвую игру. С другой же – публика теперь приходит послушать тексты (даже классические, даже из школьной программы) и узнать, в чем же

там дело. Она благодарно внимает, радуется удачным, хрестоматийным словам автора пьесы, смеется над его шутками. При этом зритель довольно рассеян, все время читает и строчит эсэмэски посредством своих неотключенных гаджетов, пропуская таким образом многие подробности сюжета.

П.А. Марков удачно сравнивал спектакль Малого театра начала XX столетия с расческой, у которой очень редкие зубья. Великие артисты знали, где у них в роли будет взлет, вершина, а где можно дать отдых и себе, и публике. И такая игра могла потрясать. Абсурд современной ситуации в том, что ныне за служителей Мельпомены и Талии это делает каждый зритель, существующий в своем собственном ритме. Управлять таким хаосом разнонаправленных вниманий чертовски трудно.

А может наоборот – актеры постепенно замажут и то, что сделано неплохо. Режиссер ведь странствующий Редедя, человек пришлый, а не постоянный начальник. Бог весть...

К сожалению, случай с «Месяцем в деревне» отнюдь не единичный. Сейчас слишком часто театр показывает публике полработы, настаивая при этом, что это вещь законченная. А мне, дураку, мало слегка намеченных потенциалов и намеков! Мне хочется следить за поворотами в актерских сюжетах, радоваться подробностям, удивляться каким-то открытиям нового смысла в знакомом тексте. Хочется, стало быть, соучаствовать в таком театральном действе, которого нынешний средний спектакль, к сожалению, предложить не может.